

Кавказский пленник — эпизод 6 из 10

Кто в Мекке был, тот называется хаджи и чалму надевает. Не любит он вашего брата. Он велит тебя убить; да мне нельзя убить, я за тебя деньги заплатил; да я тебя, Иван, полюбил; я тебя не то, что убить, я бы тебя и выпускать не стал, кабы слова не дал. Смеется, сам приговаривает по-русски: твоя, Иван, хорош, моя, Абдул, хорош!

Прожил так Жилин месяц. Днем ходит по аулу или рукодельничает, а как ночь придет, затихнет в ауле, так он у себя в сарае копает. Трудно было копать от камней, да он подпилком камни тер и прокопал он под стеной дыру, что впору пролезть. Только бы, думает, мне место хорошенько узнать, в какую сторону идти. Да не сказывают никто татары.

Вот он выбрал время, как хозяин уехал; пошел после обеда за аул на гору, хотел оттуда место посмотреть. А когда хозяин уезжал, он приказал малому за Жилиным ходить, с глаз его не спускать. Бежит малый за Жилиным, кричит: Не ходи! Отец не велел. Сейчас народ позову!

Стал его Жилин уговаривать.

Я, говорит, далеко не уйду, только на ту гору поднимусь: мне траву нужно найти ваш народ лечить. Пойдем со мной; я с колодкой не убегу. А тебе завтра лук сделаю и стрелы.

Уговорил малого, пошли. Смотреть на гору не далеко, а с колодкой трудно; шел, шел, насили взобрался. Сел Жилин, стал место разглядывать. На полдни, за горой, лощина, табун ходит, и аул другой в низочке виден. От аула другая гора еще круче, а за той горой еще гора. Промеж гор лес синеется, а там еще горы всё выше и выше поднимаются. А выше всех белые, как сахар, горы стоят под снегом. И одна снеговая гора выше других шапкой стоит. На восход и на закат всё такие же горы; кое-где аулы дымятся в ущельях. Ну, думает это всё ихняя сторона. Стал смотреть в русскую сторону: под ногами речка, аул свой, садики кругом. На речке, как куклы маленькие, видно, бабы сидят, полоскают. За аулом, пониже, гора, и через нее еще две горы, по ним лес; а промеж двух гор синеется ровное место, а на ровном месте, далеко-далеко, точно дым стелется. Стал Жилин вспоминать, когда он в крепости дома жил, где солнце всходило и где заходило. Видит: так точно, в этой долине должна быть наша крепость. Туда, промеж этих двух гор, и бежать надо.

Стало солнышко закатываться. Стали снеговые горы из белых алые; в черных горах потемнело; из лощин пар поднялся, и самая та долина, где крепость

наша должна быть, как в огне загорелась от заката. Стал Жилин вглядываться, маячит что-то в долине, точно дым из труб. И так и думается ему, что это самое крепость русская.

Уж поздно стало. Слышно мулла прокричал. Стадо гонят коровы ревут. Малый всё зовет: пойдем, а Жилину и уходить не хочется.

Вернулись они домой. Ну, думает Жилин, теперь место знаю; надо бежать. Хотел он бежать в ту же ночь. Ночи были темные ущерб месяца. На беду к вечеру вернулись татары. Бывало, приезжают они гонят с собою скотину и приезжают веселые. А на этот раз ничего не пригнали, а привезли на седле своего убитого татарина, брата рыжего. Приехали сердитые, собрались все хоронить. Вышел и Жилин посмотреть. Завернули мертвого в полотно, без гроба, вынесли под чинары за деревню, положили на траву. Пришел мулла, собрались старики, полотенцами повязали шапки, разулись, сели рядом на пятки перед мертвым.

Спереди мулла, сзади три старика в чалмах, рядом, а сзади их еще татары. Сели, потупились и молчат. Долго молчали. Поднял голову мулла и говорит: Алла! (значит бог) Сказал это одно слово, и опять потупились и долго молчали; сидят, не шевелятся. Опять поднял голову мулла:

Алла! и все проговорили: Алла и опять замолчали. Мертвый лежит на траве, не шелохнется, и они сидят, как мертвые. Не шевельнется ни один. Только слышно на чинаре листочки от ветерка поворачиваются. Потом прочел мулла молитву, все встали, подняли мертвого на руки, понесли. Принесли к яме. Яма вырыта не простая, а подкопана под землю, как подвал. Взяли мертвого под мышки, да под лытки, перегнули, спустили полегонечку, подсунули сидмя под землю, заправили ему руки на живот.

Притащил ногоец камышу зеленого, заклали камышом яму, живо засыпали землей, сровняли, а в головы к мертвецу камень стоймя поставили. Утоптали землю, сели опять рядом перед могилой. Долго молчали.

Алла! Алла! Алла! Вздохнули и встали.

Роздал рыжий денег старикам, потом встал, взял плетъ, ударил себя три раза по лбу и пошел домой.

На утро видит Жилин ведет красный кобылу за деревню, а за ним трое татар идут.